

УДК 347.78.034

ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ ИЗ ДВУХ КНИГ

Александр Николаевич Триандафилиди

Переводчик итальянской и французской поэзии, ученик Е.В. Витковского. Член Союза российских писателей, участник всемирного культурного проекта «Век перевода». Основной круг интересов – эпоха Возрождения и барокко в Италии и Франции. Подготовил книгу переводов «Лоренцо Медичи и поэты его круга», которая в 2013 году вышла в издательстве «Водолей». Публиковал переводы из французских поэтов, в том числе Верлена, Рембо, Роллина, Леконта де Лиля. Основной труд – перевод рыцарской эпопеи Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд», двухтомное издание которой готовится в настоящее время. Кроме того, подготовил в печать первое в России научно комментированное издание знаменитого пастушеского романа Якопо Саннадзаро «Аркадия», перевод которого завершил в этом году.

e-mail: marfisa@yandex.ru

Аннотация. Предлагается подборка стихотворений Джованни Пасколи (1855–1912) из двух книг («Тамаринды», «Застольные беседы») в переводах Александра Триандафилиди. Поэзия одного из ярких представителей итальянского символизма до сих пор мало переводилась на русский язык. Представленные переводы составляют лишь незначительную часть достаточно большой работы переводчика с текстами Пасколи, однако и они позволяют восполнить существующий пробел в диалоге русской и итальянской культур, воссоздать черты итальянской поэзии рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: Джованни Пасколи, перевод, итальянская поэзия, итальянский язык, Тамаринды, Застольные беседы.

Джованни Пасколи (1855–1912) – выдающийся представитель итальянского символизма; наряду с Джозуэ Кардуччи и Габриэле д’Аннунцио один из крупнейших поэтов Италии конца XIX – начала XX веков. Жизнь его небогата событиями, однако в детстве он перенес глубокую личную драму, отразившуюся на всем его поэтическом творчестве. Он был четвертым (из десяти) ребенком в семье. Две сестры умерли в раннем детстве. Когда ему было одиннадцать, при невыясненных обстоятельствах убили его отца, через год умерла мать. Вереница несчастий преследовала семью и дальше: старшая сестра умерла от тифа, от менингита – брат, через несколько лет умер старший брат, заменявший ему отца. Пасколи закончил Болонский университет по специальности «латинская словесность». В 1903 году по-

сле ухода на пенсию его старшего друга Кардуччи возглавил университетскую кафедру итальянской литературы в Болонье. Пасколи оставил после себя также значительное творческое наследие на латинском языке.

В XX веке на русский язык произведения поэта, за исключением нескольких стихотворений, не переводились. В последние годы в сети Интернет периодически появляются переводы отдельных стихотворений Пасколи, однако русской книги его стихов до сих пор нет. В 2013 г. в апрельском номере литературного журнала «Za-Za» (Дюссельдорф) опубликована подборка моих переводов из Джованни Пасколи. Надеюсь, что избранные мои работы, включенные в настоящую подборку, составят у русского читателя представление об одном из выдающихся предшественников литературы модернизма.

Из книги «Тамаринды» («Myrica»)

ВОСПОМИНАНИЯ

I. Романья

Посвящается Северино

Одна долина есть и есть одно селенье,
 Что сердцу и горьки, и сладки, Северино, –
 Туда переносюсь мечтой в сопровожденье
 Лазурного виденья Сан-Марино;

Я всей душой стремлюсь в далекий край родимый,
 Где Гвидо правили и Малатеста строгий,
 Где Предводитель встарь владычил досточтимый,
 Хозяин леса, властелин дороги.

По полю, где порой индюшка ходит чинно,
 А с нею выводок бредущих вслед малюток,
 И где синее пруд чудесно и картинно
 При плеске радужных неспешных уток,

Мы бегали с тобой, скрываясь в гуще буков,
 И гнёзда соек там искали в кронах шумных,
 И наши голоса терялись в толще звуков
 В истоме полдня на ближайших гумнах,

Меж тем как селянин, устав трудиться в поле,
 С мотыгой на плече, хватался за краюху,
 И чавкали быки, жуя в прохладном стойле
 Желанный эспарцет, потребу брюху.

Тогда вдогонку нам из полевых домишек
 Летели голоса и призывали к дому,
 В прохладу и покой, нас, резвых ребятишек,
 К столу, уже накрытому, святому.

И в те часы, когда земля от зноя чахла,
 Под зонтик кружевной спешил я той мимозы,
 Которая в дому моём цвела и пахла,
 Расправив опало цвета розы;

Тогда к проломанной стене большого сада
 Розарий приникал, жасмин благоуханный,
 И тополь шелестел, могучая громада,
 Как озорник, кричащий неустанно.

Родимое гнездо! где, не вставая с кресел,
 С Лесным Гвидоном вдаль скакал весь божий день я,
 С Астольфом странствовал иль упоенно грезил
 О королях в часы уединенья;

По воздуху меня на Гиппогрифе мчали
 Фантазии крыла в просторы небосклона,
 И в комнате моей приглушенно звучали
 Диктаты призрака Наполеона;

На сене слышал я, как в неумолчном треске
 Дрожала песнь сверчка, поэзия деревни,
 В канаве слышал я квак лягушачий резкий –
 Растянутый напев поэмы древней.

О, грёзы долгие, вам не было предела,
 Раздумья тихие, как сладки были мне вы!
 Хор птичий щебетал, дубрава шелестела,
 Шумело море, и смеялись девы.

Но словно ласточки, дождавшиеся срока,
 В один несчастный день мы бросили жилище;
 Моя отчизна – там, где я, и недалёко
 Другие от меня – спят на кладбище.

В боярышник уже не скроюсь торопливо
 От зноя в летний день, уж не искать мне в кронах
 Птенцов, подброшенных кукушкой нерадивой
 На милых тополях твоих зелёных,

О край мой солнечный, прекрасная Романья,
 Где Гвидо правили и Малатеста строгий,
 И Предводитель тот, достойный почитанья,
 Хозяин леса, властелин дороги.

II. Годовщина

Тому уж тридцать лет, как в этот час
 Меня ты в муках родила, родная;
 Когда младенцем я кричал, стеная,
 Я боль твою усугублял не раз.

Боязнями и муками казнясь,

Меня вскормила ты, преград не зная;
 И, плоть мою рубашкой облекая,
 Ты сердце отдала мне, не скупясь.

Ты умерла; минуло два десятка.
 Уже потухли, мне сдаётся, очи,
 И милый лик давно утратил краски.

Не знал тебя я больше. Но украдкой
 Из мертвенного сна холодной ночи
 Мне кудри гладишь в бесконечной ласке.

31 декабря 1889 года.

III. Рио Сальто

Конечно, не коней парадных сбруи
 Бряцали здесь, долину оглашая, –
 То била в жёлоб влага дождевая,
 И с черепичных крыш стекали струи.

Но рыцарей из памяти беру я:
 По берегу, что без конца и края,
 Галопом мчались, латами сверкая,
 Сквозящей тенью волны полосая.

Бриз утихал, уже не слышал я
 Галопа их и скачек отдалённых
 Не различал в неверном танце света.

Лишь вас я видел, други-тополя.
 Ваш нежный шум в колеблющихся кронах,
 Я помню, полнил берег речки этой.

IV. Замок

Оплот, затерянный в краю лесном,
 В тебе вассалы жили и сеньоры,
 Их соколы в погоне были скоры –
 Дрозды ютились на валу твоём.

Струился свет через окна проём,
 И ржали скакуны, почуяв шпоры;
 На дальний звон, что донесли просторы,
 Дверь отпирал степенный мажордом.

Тогда во рву решётка опускаемая
 Скрипела громко. Где ты, песнь небес?
 Войди мне в сердце и до самой глубины!

А нынче, на закате размышляя,
 Я знаю: это Апеннинский лес
 Шумит, коль воет ветер на старом дубе.

V. Лес

О древний лес грибной и земляничной,
 Обитель чар и зыбких привидений,
 Цикадам, что в твоей таятся сени,
 Здесь вторит, слышу, птичий гомон зычный;

Здесь притаился резвый фавн античный,
 Властитель шелестящих дуновений,
 Выслеживает: вдруг в скользящей тени
 Блеснёт дриады локонов необычный.

В валежнике мелькнула: дескать, здесь я!

Да или нет: желанье побеждает,
 А глаз не имеет – только солнца блики.

И вот исчезла, но во всём полесье
 В барвинке каждом нимфа обитает,
 В акации живет и в землянике.

VI. Источник

Меж каприфолий, сладостно журчлив,
 Ручей прозрачный, словно первозданный,
 Прочь от Арденн, что чарой осиянны,
 Бежит волной спокойною в извив.

В него входил пернатый Гиппогриф,
 Готовый к взлёту; стойло здесь Альфаны;
 Здесь медлил по пути из Сериканы
 Конь Брильядор, воды его испив.

Поил коня здесь паладин могучий,
 Под говор струй томимый тяжкой думой
 О даме непреклонной и железной.

И в путь затем, куда прикажет случай,
 Пускался он; от грохота и шума
 Тряслись поля и горы ночью звездной.

VII. Годовщина

На кладбище ты знаешь деток двух:
 Та с длинными кудрями золотыми,
 И та, о коей ты рыдала вслух;
 Ты знаешь: для меня их нет любимей.

Для них воскрес подавленный мой дух,
Очистилась душа моя родными;
И дом, и кров, очаг, что не потух,
Любовь и труд, – всё дышит только ими.

Несчастливы, знаешь, но им дан покой,
Улыбка их святую скорбь скрывает;
Родные, вы утрачены навеки!

И набегает на меня с тоской
Слеза, что вечно взор твой омывает,
Не высыхая на склонённом веке.

31 декабря 1891 года.

VIII. Пуффины на Адриатике

Меж морем и небом (в рассветном кармине
Забрезжили дали муаровых вод)
Болтают. Июльский лазурный восход.
Ни мачты не видно на ультрамарине.

Но праздные смехи по водной равнине
Порой дуновенье на берег несёт –
Пуффины судачат, и гул восстаёт,
Повиснув в эфире над бездною синей.

Скорее, орут. Сквозь затишье, хрипя,
Доносятся к нам голоса временами;
Хоть плещет прибой, их не глушит, однако.

Тогда на пылающем злате, скрипя,
Вдруг ряд паранцелл проступает пред нами,
Качаясь на глади блестящего лака.

IX. Каваллино

О Каваллино, в дни моей весны
С гурьбой я обегал твой склон пестрящий.
Кто ныне вспомнит: тени шелестящей
Искали мы у вяза иль сосны?

И были сумерки озарены
Самшитом иль шелковицей блестящей?
Где колокол, к заутрени звонящий,
Развеивавший тёмной рощи сны?

Не знаю. Но как только в грёзе тщетной
Виденьем смутным предстаёшь мне ты,
Тебя я вижу в небесах бегущих.

Далёк, далёк отсюда край заветный,
Но вижу вновь твой склон, твои цветы
В сияниях, над головой плывущих.

X. Монахини из Сольяно

Органа стенанья глубинные
Сливаются с дымом свечей,
Гудением женское пение
По церкви разносится всей.

Призывы к молитве короткие
Бормочет старик с алтаря,
И гулом смиренные женщины
Им вторят, молитву творя.

Но из-под стенанья органного,
Завесы, незримой для глаз,

Под купол легко поднимается
Звнящий ребёночий глас,

Теснясь и сливаясь с тем гомоном,
Кружится, летит в небеса.
За ним, неотступные, следуют
Малюток иных голоса,

И просят тебя, Богородица,
За нас тебя молят, благие,
И молят они о прощении:
Мария! Мария! Мария!

Какое звучание! Кажется,
В раздробленном сердце звенит.
Слеза набегаёт непрошено
И самую болью пьянит.

Способен ли в души пленённые
Закрасться пятнающий грех?
И застыт ли цвет наслаждения
Страданья в молящихся тех?

Все эти малютки и девушки,
Святые невесты Христа,
Стеня, о прощении молятся,
Их долгая песня чиста.

Возносятся стоны органные,
Сливаются с дымом свечей,
И ветры из края далёкого
Всё сумрачней, всё холодней...

Из края летят запредельного,

Угрюмы ветра, холодны –
То долгие стоны доносятся
Могильной немой тишины.

XI. Святилище

Священный свод на берегу скалистом.
Заморских благовоний аромат
Разносится меж сосен-колоннад,
Мешаясь с гимном и молением чистым.

В божественном биении волнистом
Вечерним часом сумерки дрожат,
Когда исходит из абсид-громад
Дух ладана в струении огнистом.

Дугою светлой небо в полукруг
Храм обомкнуло, и над гранью взгорий
Ждёт восходящей тени Колесница.

Восходит тень и вместе с нею звук,
Что приглушает в несогласном хоре
И стон святой, и вздох, что вечно длится.

XII. Годовщина

Твой тёплый взор сквозь жизненную даль –
На всех путях незримый мой вожатый.
Когда иду, сомнением объятый,
Под грузом тягот – в нём блещит печаль.

Меня ты утешала, не тебя ль

Язвила боль? но рок свой превзошла ты;
 Ребёнком я, к груди твоей прижатый,
 Рыдал, окунут в слез твоих хрусталь.

То ль ожила ты, то ли собрала
 Расколотого сердца обе части –
 Сегодня взгляд роднее, чем доселе...

Но... ты с другими – холод, хлябь и мгла –
 У мутных зимних сумраков во власти,
 На кладбище, что замели метели.

31 декабря 1891 года.

Весна

1. Река

Усадьба отражается в реке,
 Стена и сад, где алые гвоздики,
 И зелень, что на гладь бросает блики;
 Морской прибой шумит невдалеке.

За валом вал в размеренном броске
 Накатом на равнин простор великий
 Готов пойти, но вот о берег дикий
 Ударившись, дробится на песке,

Клокочет, бьётся, поднимает ропот,
 Струясь меж валунами у берёзы,
 Сквозь щели лётся с каждой стороны.

Скрип тростника, каштанов лёгкий шёпот...
 И девушка одна во власти грёзы
 Под сенью внемлет говору волны.

2. Куплет

Вздыхая, плача, дева возлегла,
 И простыни от слёз её влажнели –
 Там за окном слышались ей трели,
 И дрогнула златистой ночи мгла;

Самшитов, точно швейная игла,
 Коснулся бриз, и те зашелестели:
 – Не горько ль почивать одной в постели?
 Ты посмотри, как грудь твоя бела! –

Усадьба притаилась за оградой;
 В усадьбе той белаянка-дочь живёт;
 Белаянка-дочь на небо взор возводит,

Считает звёзды, будто так и надо;
 А небо кружит, ветерок поёт,
 И сердце томной мукою исходит.

3. Приходская церковь

День Бенедикта. Заалел восток.
 Вот ласточка мелькнула над долиной.
 У церкви, где-то в роще тополиной,
 Найдёт она гнездо, приходит срок.

Искрятся стёкла; и цветка глазок
 Темнеет под пучком фиалки чинной;
 Поскрипывает флюгер, и картинно
 Рыжее кровли каждый черепок.

Приветствие своё карниз лепечет,

Где небо словно выпарено в красном,
Как спелый персик или абрикос.

И ласточка в ответ ему щебечет,
Паля как тень, а на лугу прекрасном
Бежит за ней с косящим взглядом пёс.

4. В церкви

Жужжащим роем потянулся люд
К церквушке на холме, а вслед ступая,
Вечерним часом блестящего мая
Толпой неспешно женщины идут;

В высоких травах, где цикадный гуд,
Идут, собой цветы напоминая;
И дол притих, молчанию внимая,
И вся деревня – словно сонный пруд.

Часовня средь берёзок тонкоствольных
Закатным светом вспыхнула на склоне,
Алеет кровля в горной тишине.

Шум от шагов селянок богомольных
Ещё дрожит, а запах благовоний
Рассеялся над дроком в вышине.

Из книги «Застольные поэмы» («Poemi conviviali»)

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Часть первая
На Востоке

I

В горах они не спали. Было мало
В нагорьях Иудеи пастухов.
И большинство костров уж догорало.

Кто у гробниц немых, а кто ручьёв
Журчащих близ. Струился белым током
Над ними полнолуния покров.

Глядели в небо утомлённым оком,
Усталым сердцем, а вокруг стада
Дремали, чавкая привычным дреком.

Пред стадом ждали пастухи, когда
Взойдёт денница над полями мяты;
Но сердце странствует у них всегда,
Блуждает, как звезда по небоскату;

Сума на шее – плотный козий мех,
И прут у каждого, в коленях сжатый,

На чреслах пояс, а в руке побег
Иссопа. И возносят песнопенья
Туда, где небо свой свершает бег.

Их песнь тиха средь горного свеченья
У ног вселенной, улетает ввысь;
Едва ли тише шелест оперенья,
Ниспавшего под темный кипарис.

II

И пел Мааф: «О Ты, что не оставишь
Вовеки посоха; на небе Ты

Среди созвездий молчаливых правишь,
Господь! Жизнь упадает с высоты,
Как камень, что с Твоей пращи слетая,
Свергается в пучину темноты.

Как камень в мёртвом Море жизнь людская!
Так тяжела, но по нему плывёт,
Из края в край по воле волн блуждая.

Господь всеправый, человеческий род
Бредёт, как стадо это, и не знает,
Где кладезь Царства Твоего найдёт).

И пел Адди: «Счастливо обитает
Лишь стадо это, на своих путях
Не видя Смерти, коя поджидает.

Звезда скатилась, вижу в небесах:
И звезды гибнут! Тем лишь воздаёшь Ты,
Кто росный стебель жует на выпасах.

Беспечный гурт, не знаешь, что умрёшь ты,
Не слышишь грома бездны возле рта,
Когда зубами вечный лотос рвёшь ты,
Растущий, где могильная плита».

III

Их песня вторглась в вышние селенья:
МИР НА ЗЕМЛЕ! В кострах угасших пыл
Вдруг пробудился вспышками искренья,

Как от неведомого взмаха крыл,
И пастухи порывы ощутили,
Как будто створки кто-то отворил;
По облакам поплыли стебли лилий
Над Вифлеемом. На ноги вскочив,
В томящем изумленье все застыли.
Кто у гробниц – взор в небо устремив,
Услышал глас из детской колыбели,
А у ручья, что, быстр и суетлив,
Стремится к устью, ангела узрели;
Он руки для объятия развел
Крестообразно, и черты белели.
«Возрадуйтесь! – он рек, – Господь сошёл
На землю». И сердца забились пуще
От упования: явит им глагол
Того, кто не умрёт, кто вечносущий;
Как агнец днесь, на четвереньках, прост,
Он ползает, но это всемогущий
Господь и пастырь молчаливых звезд.

IV

Они приходят. Под святой осанной,
Обнявшей неба просиявший лик,
Спит Вифлеем. И к хижине желанной
Ведёт людей небесный проводник.
Перстом – на хлев: из тёмной скромной сени
Доносится младенца плач и крик.
Сын человеческий лежит на сене,
Как агнец, в яслях. И над ним склонясь,
Мать-иноземка, преклонив колени,
Младенца грудью кормит в первый раз;
Двух ассов у неё б не насчитали.
«Свершилось, – молвят люди, – пробил час!»

Слезинки в бедной хижине блистали
У матери, лелеющей дитя.
Осёл и бык, дыша на них, стояли.
«Мы ищем здесь Живущего...» – войдя,
Сказал Мааф. Она ему смиренно:
«Мой сын живёт, дыханье обретя». –
«Он не умрёт...» – Та, возразив смятенно,
«Он на кресте умрёт...» – рекла тогда,
Над агнцем возрыдав. – «О Царь вселенной...» –
Вселенная им отвечала: «Да!»

Часть вторая
На Западе

I.

Вдоль вечных вод, ласкаемый их плеском,
Громадой на семи холмах своих,
Синь неба мраморным прорезав блеском,
Спал Рим. Луна на арках четверных
Играла светом. Тибр неугомонный
Бил пеною в устоя мостов немых.
Лучился Капитолий, озарённый
Златою кровлей; полог опустив,
Тьма скрыла Форум с Виа Сакра сонной,
Но пламень Весты, темень озарив,
Просвечивал. Весталки в храме спали,
Претекстами тела свои укрыв.
Настала ночь, ночь после Сатурналий.
Все божества, заняв свой пьедестал,
Бессмертные, в святилищах молчали.
Сонм спящих львов Богиню окружал,
И корибанты пьяные с громами,

Простершись рядом, каждый почивал.

Пред Матерью Богов алела в храме
Кровь на полу. И ждал в завесе мглы
Храм Януса с открытыми воротами,
Когда добычу принесут орлы.

II

Спал Рим, упившись кровью. Игрищ звоны
Умолкли. Гладиаторов нагих
Во снах горячих видели матроны.

В триклиниях со спящих и хмельных
Гирлянды опадали, розовея:
Кровь мирмиллонов пропитала их.

И в глубине амфитеатра, млея,
Спал зверь на человеческих костях;
С недолгою свободою своею

Невольники простились; на цепях
Собаки в тёмных атриях лежали,
Готовые залаять при воротах.

Так длилась ночь, ночь после Сатурналий.
И с вечера, во сне вкушая мир,
Рабы отторглись ига и внимали,

Как лебеди взвиваются в эфир
С реки родимой... Это с Эсквилина
Летели тучей вороны на пир...

Сплеталась, расплеталась их судьбина:
Вот видят мать и слышат зов окрест
Глашатая; вот обнимают сына,

И перед всеми древо муки – крест.

III

Спал Рим. Не спал лишь гладиатор Гета.
Недавно взятый, был он новичком,

И мелом на ноге белела мета.

Он в грязный споллариий был влеком
Багром, простёртый в цирковом сраженье.
Здесь кто-то вены вскрыл ему клинком,

И он хрипел. В размеренном паденье
За каплей капля в мёртвой тишине
Ещё напоминала об арене.

И здесь же в яме, вместе с ним на дне,
Лежали люди. Перед мутным взглядом
Поблескивали кости в глубине.

Он был один, был дальше тех, кто хладом
Язвим в краю, что мрачен и суров;
Был дальше звезд, сияющих над градом;

Был дальше милых пашен и лугов
На побережьях Истра; был он дале
На пастбище разлегшихся быков;

Своих детишек, что рассвета ждали
В их маленькой кибитке кочевой;
Повозки, где он жил, что на привале
Чернеет, осребренная луной.

IV

Нисходит белый ангел ночью синей.
Из Иудеи, мира он посол.

Субура спит, не слышит; в храм богини,
К могучей Рее, он несёт глагол
О мире; в храме том всё кровью дышит,
Жрецы – никто и бровью не повел.

Глаголет: МИР, где пламень Весты пышет;
Весталки чинно вкруг огня сидят,
Укутавшись в претексты, и не слышат.

Зрит: храм не заперт, входит и у врат
Он шепчет: МИР, но с ветром не поспорит:

То стоны войн с морских зыбей летят.

По улицам он плавный путь свой торит,
Весь белоснежный, возвещает: МИР
ВАМ НА ЗЕМЛЕ!...Но лишь стенанье вторит...

И видит Гету. Входит ангел: МИР!
То в граде, что велик неизмеримо,

Лишь он постиг и обретает мир.

И меж гробниц проносится незримо
Глас мира на устах у мертвецов.
Так вам открылось, катакомбы Рима,
То, что пока не знали семь холмов.

GIOVANNI PASCOLI
A TRANSLATION INTO RUSSIAN FROM TWO BOOKS BY THE AUTHOR

Translated by A. Triandafilidi

Alexander N. Triandafilidi. A translator from Italian and French, and a disciple of E.V. Vitkovsky. A Member of the Union of Russian Writers, and a participant in the world cultural project, *A Century of Translation*. His main interests are connected with the oeuvres of Renaissance and Baroque Italian and French writers. His recently published book of translations *Lorenzo de' Medici and poets of his circle* (Vodoley Publishing House, 2013) is the result of his translation efforts. Among his works are translations from French poets Verlaine, Rimbaud, Rollinat, and Leconte de Lisle. His main achievement is a translation of chivalric epic poem *Orlando Furioso* by Ludovico Ariosto in two volumes, which is to be published soon. Additionally, this year he finished a translation of the famous pastoral romance by Jacopo Sannazaro, the *Arcadia*, for its first academically reviewed publication in Russia.

e-mail: marfisa@yandex.ru

Abstract. A collection of poems by Giovanni Pascoli (1855-1912), extracts from two books of poetry (*Myrica*, *Poemi cinviviali*) are offered in a translation recently undertaken by Alexander Triandafilidi. The poetry of Pascoli, one of the most prominent representatives of Italian symbolism, has, until now, been only sporadically translated into Russian. This selection is a minor part of the extensive work of the translator with the oeuvre of Pascoli. However, the work may fill a gap in Russian and Italian cultures dialogue, and shape the view of Italian poetry at the turn of the XIX – XX cent.

Key words: Giovanni Pascoli, translation, Italian poetry, Italian language, *Myrica*, *Poemi cinviviali*.

